

► Вестник МОТ: COVID-19 и сфера труда. Пятый выпуск Обновленные оценки и анализ

30 июня 2020 г.

Ключевые идеи

Взгляд в прошлое: дестабилизация рынка труда в первом полугодии 2020 г.

Заккрытие рабочих мест

► Подавляющее большинство работников в мире (93 %) проживают в странах, где по-прежнему действует тот или иной режим закрытия рабочих мест. Их общемировая доля остается относительно неизменной с середины марта, но принимаемые меры заметно смягчаются. В настоящее время самые серьезные ограничения, касающиеся работников и рабочих мест, действуют в Северной и Южной Америке.

Потери рабочего времени значительно превышают первоначальные оценки

► Согласно последним оценкам МОТ, потери рабочего времени в первом полугодии 2020 г. усугубились; это отражает ухудшение ситуации в течение последних недель, в особенности в развивающихся странах. По сравнению с четвертым кварталом 2019 г., в первом квартале текущего года общемировой объем рабочего времени сократился примерно на 5,4 % (что эквивалентно полному рабочему времени 155 млн работников). По оценкам, общемировые потери рабочего времени во втором квартале 2020 г. по сравнению с последним кварталом 2019 г достигнут 14,0 % (что эквивалентно полному рабочему времени 400 млн работников), при этом самые значительные потери составят 18,3 % в Северной и Южной Америке.

► Факторы, приводящие к снижению объема рабочего времени, значительно отличаются в странах, по которым имеются соответствующие данные. В одних странах снижению значительно способствовали неполный рабочий день и «занятость при отсутствии работы» (например, отправка работников во временный отпуск), в то время как в других основным фактором снижения оказался вынужденный переход людей к безработице и бездействию. Эти отличия свидетельствуют о том, что для всеобъемлющей оценки влияния пандемии на рынок труда недостаточно обращать внимание лишь на безработицу.

Несоизмеримо высокое воздействие на женщин

► Поскольку вызванный COVID-19 кризис несоразмерно сильно влияет на работающих женщин во многих отношениях, существует риск регресса в достижениях предыдущих десятилетий и усугубления гендерного неравенства на рынке труда. В отличие от предшествующих кризисов, сегодня занятость женщин подвергается большему риску по сравнению с занятостью мужчин — в особенности из-за воздействия текущего спада на сектор услуг. При этом женщины составляют значительную часть работников первой линии, особенно в сфере здравоохранения и социальной помощи, а возросшее из-за кризиса бремя (неоплачиваемого) ухода ложится на женщин в большей степени, чем на мужчин.

Взгляд в будущее: перспективы и политические задачи

Прогнозы на второе полугодие 2020 г.

▶ Согласно прогнозам МОТ, восстановление рынка труда во втором полугодии 2020 г. будет носить неустойчивый и неполный характер. Базовый сценарий предполагает вероятность того, что потери рабочего времени в четвертом квартале этого года останутся на уровне 4,9 % (что эквивалентно полному рабочему времени 140 млн работников). Однако при наименее благоприятном сценарии, предполагающем вторую волну пандемии во втором полугодии 2020 г., потери рабочего времени составят вплоть до 11,9 % в последнем квартале (что эквивалентно полному рабочему времени 340 млн работников). Даже при оптимистическом сценарии, предполагающем быстрое восстановление, общемировой объем рабочего времени вряд ли вернется к докризисному уровню к концу 2020 г.

Политика в целях восстановления занятости

▶ Фактическая результативность на рынке труда в оставшийся период 2020 г. будут зависеть от политических решений и действий, а также от вероятного развития пандемии в будущем. На сегодняшний день большинство стран задействовали беспрецедентные ресурсы для стимулирования экономики и занятости посредством мер социальной защиты, а также фискальных, денежно-кредитных и других политических мер. Однако в ряде стран, особенно с низким и средним уровнем дохода, возможности бюджетных маневров ограничены.

▶ Переход к восстановлению, сопровождаемому расширением занятости, потребует решения таких ключевых задач, как: (а) нахождение золотой середины в политическом отношении; (b) поддержание должного масштаба практических мер; (c) поддержка уязвимых и пострадавших групп населения, а также достижение более справедливых результатов на рынке труда; (d) обеспечение международной солидарности и поддержки; и (e) укрепление социального диалога и соблюдения прав в сфере труда. Важные рекомендации по решению этих задач содержатся в Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда 2019 года, в которой излагается ориентированный на человека подход, нацеленный на инвестиции в развитие способностей человека, укрепление институтов рынка труда и создание устойчивых рабочих мест в будущем.

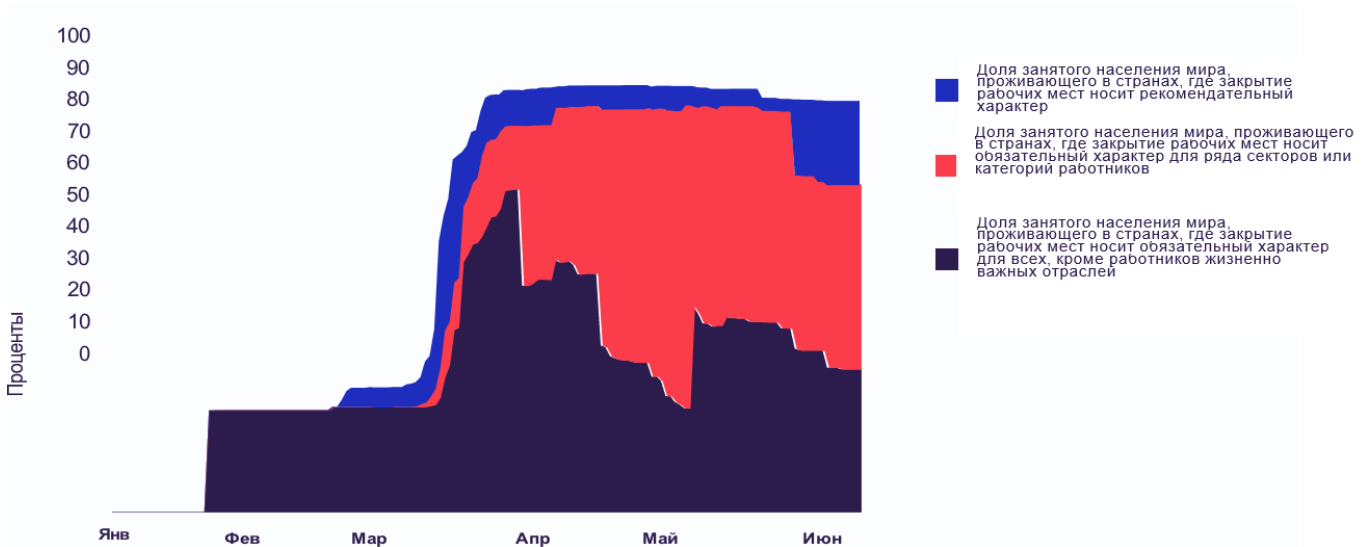
▶ Часть I. Взгляд в прошлое: дестабилизация рынка труда в первом полугодии 2020 г. — глобальное нарушение равновесия в беспрецедентном масштабе

1. Заккрытие рабочих мест

На сферу труда серьезно повлияло введение ограничительных мер, в том числе различных режимов закрытия рабочих мест. По состоянию на 15 июня почти третья часть работников в мире (32 %) проживали в странах, где закрытие рабочих мест носило обязательный характер для всех, кроме работников жизненно важных отраслей,

42 % проживали в странах, где закрытие рабочих мест носило обязательный характер для ряда секторов или категорий работников, а еще 19 % — в странах с закрытием рабочих мест в рекомендательном порядке (Рисунок 1).

- ▶ Рисунок 1. Доля работающего населения мира в странах, где действует закрытие рабочих мест, 1 января–15 июня 2020 г. (%)

Примечание: Доля работников из стран, где закрытие рабочих мест носило обязательный характер для ряда секторов или категорий работников, и доля работников из стран с закрытием рабочих мест в рекомендательном порядке добавлены к доле работников из стран, где закрытие рабочих мест носило обязательный характер для всех, кроме работников жизненно важных отраслей.

Источники: база данных ILOSTAT, смоделированные оценки МОТ, ноябрь 2019 г.; система отслеживания реагирования правительств разных стран на COVID-19 *Oxford COVID-19 Government Response Tracker*

Подавляющее большинство работников в мире (93 %) проживают в странах, где по-прежнему действует тот или иной режим закрытия рабочих мест. Их общемировая доля остается относительно неизменной с середины марта, но принимаемые меры заметно смягчаются. Например, доля работников, проживающих в

странах с наиболее строгими мерами по закрытию рабочих мест, достигла максимального значения около 70 % в конце марта и впоследствии снизилась до 32 % в середине июня.

Различные регионы существенно отличаются характером закрытия рабочих мест. В настоящее

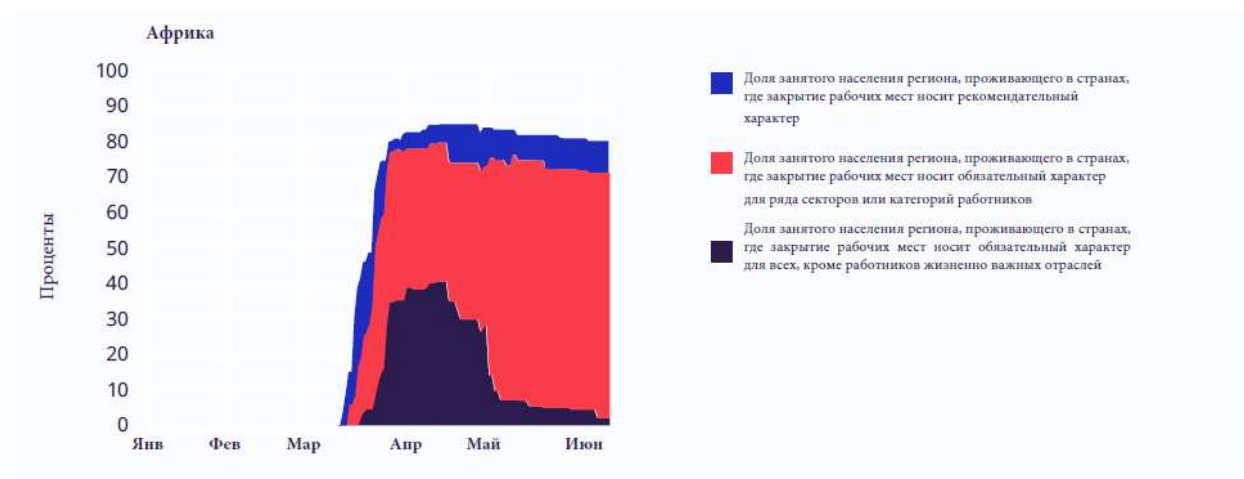
время **Северная и Южная Америка** наиболее сильно затронуты ограничениями, налагаемыми на работников и рабочие места. Напротив, по состоянию на 15 июня ни в одном из **Арабских государств** или государств **Европы и Центральной Азии** не продолжало действовать требование о закрытии рабочих мест во всех отраслях, кроме жизненно важных, в то время как в **Африке** лишь 2 % работников проживало в странах с жесткими ограничениями.

Однако даже в тех странах и регионах, где закрытие рабочих мест в обязательном порядке в настоящее время не является повсеместным, **многие предприятия по-прежнему не могут в полной мере вернуться к работе**. По состоянию на 15 июня во всех **Арабских государствах** действовали те или иные требования о закрытии рабочих мест для определенных секторов или

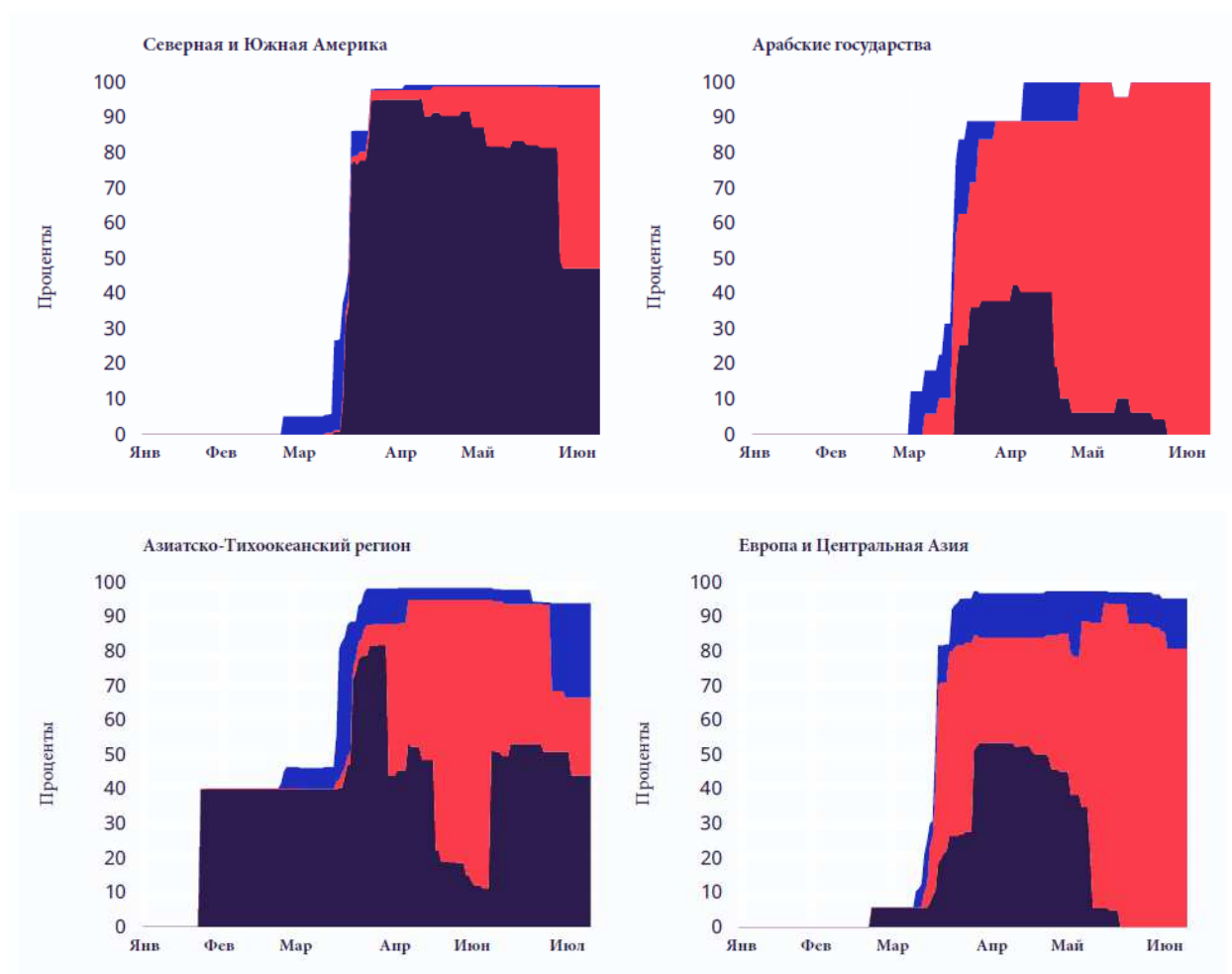
категорий работников. В целом, 81 % работников в **Европе и Центральной Азии**, 69 % работников в **Африке** и 51 % работников в **Северной и Южной Америке** проживают в странах, где действуют требования о закрытии рабочих мест для определенных секторов или категорий работников.¹

На сегодняшний день сохраняется риск появления новых случаев заболевания и второй волны пандемии. Введение новых ограничительных мер или сохранение действующих жестких мер в ближайшие месяцы приведет к дальнейшему спаду экономической активности и дестабилизации рынков труда, что может поставить под угрозу восстановление занятости.

► **Рисунок 2. Доля работников в странах, где действует всеобщее закрытие рабочих мест (%), по регионам**

¹ Следует отметить, что изменения показателей Азиатско-Тихоокеанского региона во втором квартале 2020 г., приведенные на Рисунке 2, преимущественно обусловлены новыми ограничениями, введенными в Пекине, Китай. Поскольку система отслеживания реагирования правительства разных стран на COVID-19 *Oxford COVID-19 Government Response Tracker* не проводит различий между ограничениями, затрагивающими только определенные географические области в стране, и ограничениями, затрагивающими всю страну, показатели обязательного закрытия рабочих мест в большинстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона остаются значительно ниже показателей, представленных на Рисунке 2.

Примечание: Доля работников из стран, где закрытие рабочих мест носило обязательный характер для ряда секторов или категорий работников, и доля работников из стран с закрытием рабочих мест в рекомендательном порядке добавлены к доле работников из стран, где закрытие рабочих мест носило обязательный характер для всех, кроме работников жизненно важных отраслей.
 Источники: ILOSTAT, смоделированные оценки МОТ, ноябрь 2019 г.; система отслеживания реагирования правительств разных стран на COVID-19 *Oxford COVID-19 Government Response Tracker*

2. Потери рабочего времени усугубились в первом полугодии 2020 г.

Заккрытие рабочих мест и введение других ограничительных мер в сочетании с быстрым ухудшением экономической конъюнктуры привели к непосредственным и значительным потерям рабочего времени в первом полугодии 2020 г. С момента публикации второго выпуска Вестника МОТ (7 апреля 2020 г.) в нем приводятся регулярно обновляемые оценки потерь рабочего времени в первом и втором квартале 2020 г. и их сравнение с последним докризисным кварталом (т. е. 4 кварталом 2019 г.).

Согласно последним оценкам МОТ, в первом полугодии 2020 г. общемировой объем рабочего времени сократился значительно сильнее, чем предполагалось ранее (см. Статистические приложения, Рисунок А1). Это свидетельствует об ухудшении ситуации во многих странах мира за последние недели. Кроме того, с момента публикации четвертого выпуска Вестника МОТ (27 мая 2020 г.) стали доступны новые данные национальных обследований рабочей силы и экономические данные, охватывающие как первый, так и второй квартал 2020 г. Эти данные были интегрированы в модель краткосрочного прогнозирования МОТ (подробнее см. в Технических приложениях 1 и 2). Новые данные свидетельствуют о том, что работники развивающихся стран, в особенности неформально занятые, пострадали серьезнее, чем в ходе предыдущих кризисов.² В этих странах сильнее ограничены возможности дистанционной работы,³ и повышенная уязвимость неформальных работников перед лицом ограничительных мер, по всей видимости, усугубляет последствия текущего спада и создает новые проблемы на рынке труда.

Первый квартал 2020 г.

По сравнению с четвертым кварталом 2019 г., в первом квартале 2020 г. общемировой объем рабочего времени сократился примерно на 5,4 % (что превышает первоначальные оценки в 4,8 %), что эквивалентно полному рабочему времени 155 млн работников (Рисунок 3 и Таблица 1)⁴. Поскольку в Китае (где строгие ограничительные меры были введены уже в конце января) и других странах **Азиатско-Тихоокеанского региона** вирус появился раньше, неудивительно, что на этот регион пришлось примерно 80 % сокращения общемирового рабочего времени в первом квартале текущего года. Точнее говоря, сокращение рабочего времени в субрегионе Восточной Азии в первом квартале составило 11,6 %, что эквивалентно полному рабочему времени 95 млн работников (ЭПЗ).

Однако из-за распространения пандемии по всему миру значительные потери рабочего времени наблюдались и в других регионах. В первом квартале 2020 г. сокращение рабочего времени в **Европе и Центральной Азии** составило 3,4 %, или 11 млн рабочих мест в ЭПЗ, при этом наибольшие потери испытала Южная Европа (5,3 %) и Западная Европа (4 %). Примерно 11 млн рабочих мест в ЭПЗ было потеряно в **Северной и Южной Америке** в первом квартале текущего года, при этом наиболее сильно пострадала Южная Америка, где сокращение рабочего времени составило 4,8 % по сравнению с 4 кварталом 2019 г. В **Африке** потери рабочего времени в первом квартале 2020 г. оцениваются в 2,4 % или 9 млн рабочих мест в ЭПЗ.

² Существуют свидетельства того, что в прошлом неформальная занятость росла во время экономических кризисов вследствие сокращения возможностей в формальной экономике; см., например, Johannes P. Jütting and Juan R. de Laiglesia (ред.), *Is Informal Normal? Towards More and Better Jobs in Developing Countries*. (Париж, ОЭСР, 2009).

³ См. Mariya Brussevich, Era Dabla-Norris and Salma Khalid, ["Who Will Bear the Brunt of Lockdown Policies? Evidence from Tele-workability Measures across Countries"](#), Рабочий документ МВФ № 20/88, 2020.

⁴ Дополнительную информацию об использовании эквивалента полной занятости (ЭПЗ) в оценках см. в примечаниях к Таблице 1.

Рисунок 3: Потери рабочего времени (весь мир и группы стран по уровню доходов, %)

Источник: Модель краткосрочного прогнозирования МОТ; см. Техническое приложение А1.

Таблица 1: Потери рабочего времени (весь мир, регионы и субрегионы)

Регионы	I кв. 2020			II кв. 2020		
	Эквивалент полной занятости (40 часов в неделю) млн	Эквивалент полной занятости (48 часов в неделю) млн	Потери рабочего времени	Эквивалент полной занятости (40 часов в неделю) млн	Эквивалент полной занятости (48 часов в неделю) млн	Потери рабочего времени
Весь мир	185	155	5,4%	480	400	14,0%
Африка	11	9	2,4%	55	45	12,1%
<i>Северная Африка</i>	2	2	2,5%	11	9	15,5%
<i>Африка к югу от Сахары</i>	9	7	2,4%	43	35	11,4%
Центральная Африка	1	1	2,3%	7	6	11,9%
Восточная Африка	4	3	2,4%	18	15	10,9%
Южная Африка	0	0	1,6%	3	2	12,2%
Западная Африка	3	3	2,5%	15	13	11,6%
Северная и Южная Америка	13	11	3,0%	80	70	18,3%
<i>Латинская Америка и Карибский бассейн</i>	10	9	3,6%	55	47	20,0%
Центральная Америка	1	1	1,1%	16	13	19,2%
Южная Америка	9	7	4,8%	38	32	20,6%
<i>Северная Америка</i>	3	2	1,8%	25	21	15,3%
Арабские государства	2	2	3,1%	10	8	13,2%
Азиатско-Тихоокеанский регион	150	125	7,1%	280	235	13,5%
<i>Восточная Азия</i>	115	95	11,6%	100	85	10,4%
<i>Юго-Восточная Азия и Тихоокеанский регион</i>	7	6	2,1%	44	37	12,6%
Юго-Восточная Азия	7	6	2,1%	42	35	12,7%
<i>Южная Азия</i>	26	21	3,4%	135	110	17,9%
Европа и Центральная Азия	13	11	3,4%	55	45	13,9%

<i>Северная, Южная и Западная Европа</i>	8	6	4,2%	29	24	15,7%
Северная Европа	1	1	3,1%	7	6	15,3%
Южная Европа	3	3	5,3%	10	9	18,0%
Западная Европа	3	3	4,0%	12	10	14,3%
<i>Восточная Европа</i>	3	3	2,6%	15	12	11,6%
<i>Центральная и Западная Азия</i>	2	2	2,7%	10	8	13,6%

Примечание: Значения рабочих мест в эквиваленте полной занятости (ЭПЗ) свыше 50 миллионов округляются до ближайших 5 миллионов, значения ниже этого порога округляются до ближайшего миллиона. Сокращение занятости представлено в эквиваленте полной занятости (ЭПЗ) для иллюстрации оцениваемого масштаба потерь. Благодаря этому можно представить оценку сокращения рабочего времени так, как если бы это сокращение касалось исключительно выборки работников, занятых полный рабочий день, а остальные работники не испытали бы сокращения отработанных часов. Представленные в этой таблице цифры не следует интерпретировать как количество фактически потерянных рабочих мест или рост уровня безработицы. Источник: Модель краткосрочного прогнозирования МОТ; см. Техническое приложение 1.

Второй квартал 2020 г.

С учетом новых данных, демонстрирующих более сильное, чем ожидалось, влияние, особенно в развивающихся регионах, **последние оценки МОТ существенно пересматривают общемировые потери рабочего времени в сторону увеличения во втором квартале 2020 г. по сравнению с предыдущими оценками.** Последние оценки, представленные в настоящем выпуске Вестника МОТ, свидетельствуют о сокращении общемирового объема рабочего времени на **14 % во втором квартале 2020 г. (по сравнению с предыдущей оценкой в 10,7 %), что эквивалентно полному рабочему времени 400 млн работников.** Сильнее всего страдают страны с уровнем дохода ниже среднего, где сокращение составляет 16,1 %.

По оценкам, во втором квартале 2020 г. в **Северной и Южной Америке** объем рабочего времени сократился на 18,3 %, или 70 млн рабочих мест в ЭПЗ, по сравнению с предыдущей оценкой в 13,1 %. Это самые значительные потери рабочего времени среди основных географических регионов и самый большой пересмотр в сторону повышения по сравнению с четвертым выпуском Вестника МОТ. Южная Америка несет самые высокие предполагаемые потери рабочего времени во втором квартале — 20,6 % — как внутри своего региона, так и среди всех регионов и субрегионов мира. Потери Центральной и Северной Америки оцениваются на уровне 19,2 % и 15,3 % соответственно.

Количество отработанных часов в **Европе и Центральной Азии**, согласно оценкам, сократилось на 13,9 %, или 45 млн рабочих мест в ЭПЗ во втором квартале, что превышает данную в предыдущем выпуске Вестника МОТ оценку в размере 12,9 %. Наибольшие потери в этом регионе несет Южная Европа (18 %), за которой следуют Северная Европа (15,3 %), Западная

Европа (14,3 %), Центральная и Западная Азия (13,6 %) и Восточная Европа (11,6 %).

В **Азиатско-Тихоокеанском регионе** общие потери во втором квартале 2020 г. оцениваются в 13,5 %, или 235 млн рабочих мест в ЭПЗ, по сравнению с приведенной ранее оценкой в размере 10 %. Что касается субрегионов, то ожидаемые потери рабочего времени будут самыми значительными в Южной Азии⁵, где снижение составит 17,9 % во втором квартале; за ней последует Юго-Восточная Азия и Тихоокеанский регион (12,6 %) и Восточная Азия (10,4 %).

Рабочее время во втором квартале 2020 г. в **Арабских государствах**, по оценкам, сократилось на 13,2 %, или 8 млн рабочих мест в ЭПЗ, что на 2,9 процентных пункта превышает оценки, приведенные в предыдущем выпуске Вестника МОТ.

В **Африке** совокупные потери рабочего времени во втором квартале этого года оцениваются в 12,1 %, или 45 млн рабочих мест в ЭПЗ, и превышают предыдущую оценку в размере 9,5 %. Что касается субрегионов⁶, оценки потерь рабочего времени во втором квартале 2020 г. указывают на самое резкое сокращение в Северной Африке (15,5 %), за которой следуют Южная Африка (12,2 %), Центральная Африка (11,9 %), Западная Африка (11,6 %) и Восточная Африка (10,9 %).

3. Потери рабочего времени при ближайшем рассмотрении

Потери рабочего времени, для оценки которых используется представленная выше модель краткосрочного прогнозирования МОТ (см. Техническое приложение 1), являются совокупным показателем воздействия вызванного COVID-19 кризиса на рынок труда. Факторы, обуславливающие эти изменения, **зависят от результатов на рынке труда конкретных стран в период пандемии, которые, в свою очередь,**

⁵ Доступность данных по субрегиону ограничена; следовательно, оценки здесь менее точные, чем для других субрегионов.

⁶ Доступность данных для Африки ограничена; следовательно, оценки по этому региону и его субрегионам менее точные, чем для других регионов.

позволяют сделать практические выводы, имеющие значение для процесса восстановления. Для выявления основных механизмов воздействия кризиса потери рабочего времени можно разделить на четыре составляющие:

1. Сокращенная продолжительность рабочего времени: снижение среднего числа отработанных часов в неделю по сравнению с докризисной ситуацией
2. Занятость при отсутствии работы: работники сохраняют существующие рабочие места, но не выполняют какую-либо работу. Они являются занятыми, но не находятся на работе или временно отсутствуют на работе (например, работники, находящиеся в отпуске без сохранения заработной платы или в отпуске по болезни).
3. Безработица: готовность к труду и поиск работы;
4. Бездействие: выход из состава рабочей силы⁷

Между странами существуют значительные различия в составе потерь рабочего времени (подробнее о данных и методологии см. Техническое приложение 3).⁸ Как показано на Рисунке 4, потери рабочего времени могут носить различный характер, во всяком случае на начальных этапах вызванного COVID-19 кризиса — преимущественно вследствие наличия институтов рынка труда и принятых политических решений. Например, в Республике Корея и Соединенном Королевстве потери рабочего времени вызваны главным образом сокращением продолжительности рабочего времени и занятостью при отсутствии работы. Эти две формы организации труда сохраняют связь работника с текущим рабочим местом, тем самым снижая риск дестабилизации дальнейшей трудовой жизни в среднесрочной

перспективе. В этих двух странах вклад безработицы в сокращение объема рабочего времени был очень мал, хотя в Республике Корея значительно вырос уровень бездействия. Что касается Перу и Мексики, где были введены строгие ограничительные меры, изменения уровня безработицы также были незначительны. В Мексике сокращение продолжительности рабочего времени и занятость при отсутствии работы привели примерно к половине потерь рабочего времени, в то время как оставшиеся потери произошли из-за бездействия; вклад безработицы был невысок. В Перу примерно 90 % сокращений рабочего времени были обусловлены потерей рабочих мест, ведущей к бездействию, при этом безработица роли не играет. В Канаде произошла значительная потеря рабочих мест, которая привела к росту как безработицы, так и бездействия. Наконец, в Соединенных Штатах потеря рабочих мест стала причиной примерно 2/3 случаев сокращения рабочего времени⁹, причем почти половина снижения приходится на долю безработицы.

Декомпозиция потерь рабочего времени демонстрирует, что сосредоточение внимания только на безработице не позволит отразить фактическое воздействие вызванного COVID-19 кризиса на рынок труда. Кроме того, граница между бездействием и безработицей была размыта вследствие кризиса, так как соблюдение критериев поиска работы и готовности к новому трудоустройству, необходимое для получения статуса безработного, часто невозможно из-за ограничительных мер, вследствие чего многие «безработные» считаются «бездействующими».¹⁰

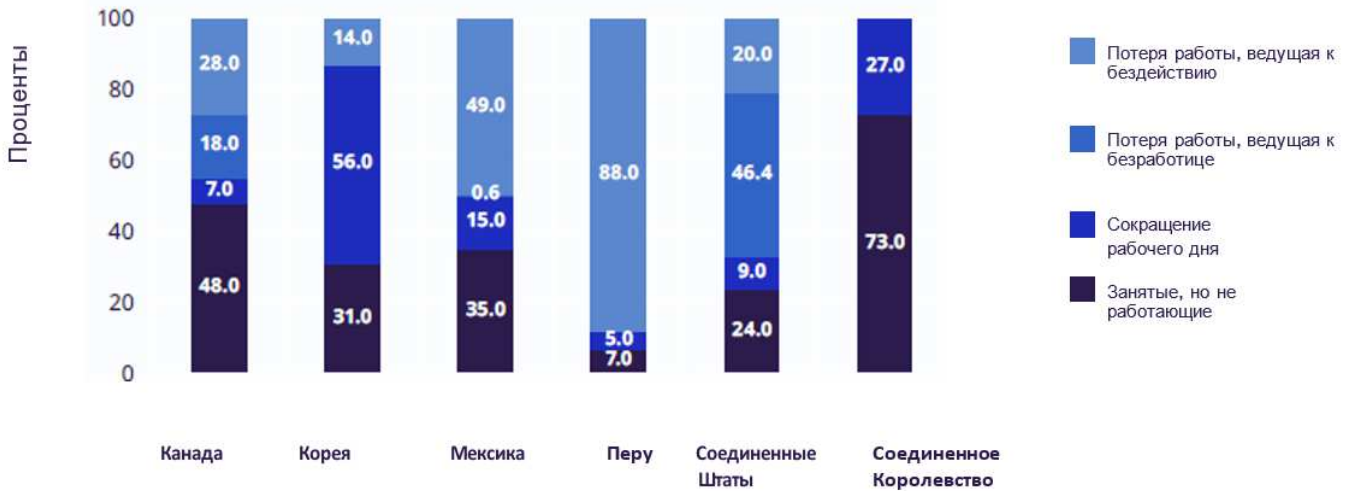
⁷ В основе разницы между безработицей и бездействием, согласно их определениям в рамках настоящего анализа, лежат предпринятые отдельными лицами действия в соответствии с их описанием в их ответах в ходе обследования рабочей силы или подобного обследования домохозяйств (исходя из критериев готовности к труду и поиска работы, необходимых для присвоения статуса «безработного»). Важно отметить, что этот статус не отражает наличие права на страхование от безработицы, меры поддержки в связи с COVID-19 или другие программы социальной защиты.

⁸ Приведенная здесь декомпозиция основывается на данных за апрель 2020 г., который был выбран в качестве базисного периода для шести стран, по которым доступны соответствующие сведения. Исключением является Соединенное Королевство, по которому еще не доступны данные за апрель и используются данные за последнюю неделю марта.

⁹ См. примечание 2 к Рисунку 4. Представленные данные по двум категориям потери рабочих мест для Соединенных Штатов могут рассматриваться как минимальная оценка фактического воздействия.

¹⁰ Некоторую ясность относительно разницы в значении этих двух понятий для рынка труда позволяет внести тот факт, что связь бездействующего населения с рынком труда слабее, чем связь безработного населения.

Рисунок 4. Декомпозиция потерь рабочего времени, отдельные страны, март-апрель 2020 г. (%)

Примечания: (1) данные по Перу касаются только Лимы и столичной агломерации. (2) Федеральное бюро статистики труда США (БСТ) в методических документах* за апрель и май 2020 г. высказывает предположение, что обычный алгоритм обследования рабочей силы, вероятно, занижает число безработных (распределяя их в группу «занятость при отсутствии работы»). В целях настоящего анализа мы используем определение занятости/безработицы по версии БСТ, следовательно, представленные выше результаты для США также могут быть подвержены недооценке. Независимо от состояния рынка труда, воздействие вызванного COVID-19 кризиса на ту часть населения, которая в обследовании БСТ была выделена в группу «занятости при отсутствии работы», вероятно, будет значительным: две трети этих работников сообщили, что не получали зарплату в течение отсутствия на работе.

* BLS, "Frequently Asked Questions: The Impact of the Coronavirus (COVID-19) Pandemic on the Employment Situation for April 2020", 8 мая 2020; BLS, "Frequently Asked Questions: The Impact of the Coronavirus (COVID-19) Pandemic on the Employment Situation for May 2020", 5 июня 2020.

4. Несоизмеримо высокое воздействие на женщин: вызванный COVID-19 кризис может свести на нет достижения недавнего времени в области гендерного равенства

Масштабная дестабилизация рынка труда вследствие пандемии затрагивает все категории работников, но некоторые из них страдают особенно сильно. В предыдущих выпусках Вестника МОТ подчеркивалось влияние кризиса на неформально занятых и молодых работников. Последние данные обследований рабочей силы демонстрируют тревожные тенденции, способные усугубить существующее неравенство и ликвидировать скромные достижения недавнего времени в области гендерного равенства на рынке труда.¹¹

Несмотря на некоторый прогресс, достигнутый за предыдущие десятилетия, значительные гендерные разрывы по-прежнему сохранялись на рынках труда всего мира до начала кризиса. В последние десятилетия гендерный разрыв в уровнях участия в составе рабочей силы несколько сократился, но в 2019 г. глобальный разрыв по-прежнему составлял 27 процентных пунктов.¹² В странах с низким доходом и доходом ниже среднего, где до 90 % занятых трудоустроены неформально, женщины, как правило, имеют более низкий уровень охвата социальной защитой.¹³ Гендерный разрыв в оплате труда среди наемных работников сохраняется на уровне около 20 % во всем мире.¹⁴

¹¹ См. также МОТ, *The COVID-19 Response: Getting Gender Equality Right for a Better Future for Women at Work*, May 2020; а также МОТ, готовится к публикации. A Gender-responsive Employment Recovery: Building Back Fairer.

¹² МОТ, *World Employment and Social Outlook: Trends 2020* (Женева, 2020), 20.

¹³ МОТ, *COVID-19 Crisis and the Informal Economy: Immediate Responses and Policy Challenges*, май 2020.

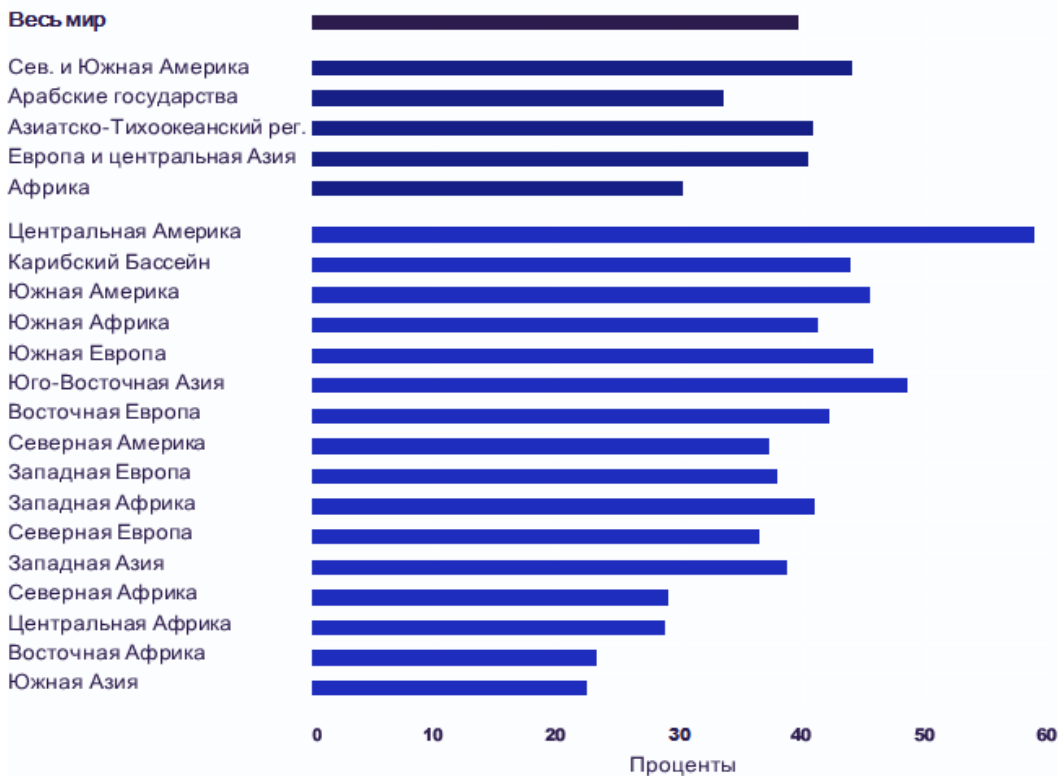
¹⁴ МОТ, *Global Wage Report 2018/19: What Lies behind Gender Pay Gaps* (Женева, 2018), 23.

На фоне гендерного неравенства на рынке труда кризис несоразмерно сильно влияет на работающих женщин по четырем основным причинам.

Во-первых, большая доля женщин занята в секторах, серьезно пострадавших от кризиса. Почти 510 млн или 40 % всех работающих женщин в мире заняты в наиболее пострадавших секторах, в числе которых — размещение и общественное питание; оптовая и розничная торговля; недвижимость, бизнес и административная деятельность; обрабатывающая промышленность (Рисунок 5).¹⁵ При этом для мужчин этот показатель составляет 36,6 %. Доля женщин, работающих в наиболее пострадавших секторах, особенно высока в Центральной Америке (58,9 %), Юго-Восточной Азии (48,5 %), Южной Европе (45,8 %) и Южной Америке (45,5 %). В этих субрегионах доля мужчин, занятых в наиболее пострадавших секторах, существенно ниже (43,0 % в Центральной Америке, 33,2 % в Юго-Восточной Азии и 42,0 % в Южной Америке), за исключением Южной Европы, где она выше (49,1 %).

Анализируя определенные сектора с преобладанием женщин, мы видим, что женщины составляют 61 % занятых в сфере искусства, развлечений и прочих услуг,¹⁶ а также 54 % занятых в сфере размещения и общественного питания. При этом они перепредставлены в секторе оптовой и розничной торговли (42,1 % занятых в этом секторе по сравнению с 38,7 % от общего числа работников). Женщины, занятые помимо сферы услуг в ряде трудоемких отраслей производства, таких как швейное производство, подвержены потере рабочих мест вследствие нарушения цепочек поставок и падения потребительского спроса.¹⁷ Гендерный разрыв в доле неформальных работников в наиболее пострадавших секторах намного больше: 42 % женщин были неформально заняты в этих секторах в начале кризиса, по сравнению с 32 % мужчин.¹⁸

► **Рисунок 5. Доля женщин, занятых в наиболее пострадавших от вызванного COVID-19 кризиса секторах, весь мир и разбивка по регионам и субрегионам (%)**

Примечание: Наиболее пострадавшие сектора — размещение и общественное питание; оптовая и розничная торговля; недвижимость, бизнес и административная деятельность; обрабатывающая промышленность, см. МОТ, *ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work – Third Edition*, 29 апреля 2020.

¹⁵ См. МОТ, *ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work – Second Edition*, 7 апреля 2020.

¹⁶ В эту долю входят женщины, занятые в сфере искусства, развлечений, домашней работы (где работодателями выступают домохозяйства) и прочих услуг (разделы R, S, T и U Международной стандартной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности (МСОК), версия 4).

¹⁷ См., например, МОТ, *Recommendations for Garment Manufacturers on How to Address the COVID-19 Pandemic*, 15 апреля 2020..

¹⁸ МОТ, *ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work – Third Edition*, 29 апреля 2020..

Источник: база данных ILOSTAT.

Во-вторых, занятые домашней работой женщины в большой степени подвержены последствиям ограничительных мер. По оценкам МОТ, по состоянию на 4 июня 55 млн или 72,3 % домашних работников по всему миру подвергались значительному риску потери работы и доходов из-за введения мер изоляции и отсутствия эффективного социального обеспечения.¹⁹ Подавляющее большинство этих домашних работников из группы риска — около 37 млн — составляют женщины. Во всех регионах женщины составляют самую большую долю подверженных риску домашних работников: от 58,2 % в Азиатско-Тихоокеанском регионе и 69,7 % в Африке до 86,0 % в Европе и Центральной Азии и 88,5 % в Северной и Южной Америке.²⁰ Кроме того, домашние работники часто являются мигрантами, что делает их еще более уязвимыми в свете фактического отсутствия социальной защиты в принимающих странах или невозможности вернуться на родину из-за ограничительных мер и запрета на поездки.

В-третьих, подавляющее большинство занятых в сфере здравоохранения и социальной работы — женщины. Во всем мире женщины составляют более 70 % занятых в сфере здравоохранения и социальной работы; в некоторых развитых регионах они составляют почти 80 % рабочей силы в сфере здравоохранения. Однако женщины в этом секторе, как правило, заняты на менее квалифицированных и хуже оплачиваемых должностях, где присутствует более значительный гендерный разрыв в оплате труда (26 % в странах с высоким уровнем дохода и 29 % в странах с уровнем дохода выше среднего).²¹ Медицинский персонал, в частности работающих с пациентами с COVID-19, часто трудится в тяжелых (и порой опасных) условиях. Длительные рабочие смены в отделениях реанимации, нехватка средств индивидуальной защиты и других ресурсов, а также неукомплектованность персоналом в сочетании с сильными эмоциональными нагрузками ведут к тому, что работники здравоохранения подвергаются повышенному риску заражения и дальнейшего распространения инфекции — особенно в странах с низким и средним уровнем дохода.²²

В-четвертых, во время кризиса неравное распределение возросших потребностей в уходе в непропорционально высокой степени отражается на женщинах. В обычное время женщины выполняют около 3/4 всей неоплачиваемой работы по уходу. Количество времени, которое женщины посвящают неоплачиваемой работе по уходу, увеличивается с появлением в домохозяйстве детей.²³ Закрытие дошкольных образовательных учреждений, учреждений по уходу и школ, а также недоступность поддержки со стороны пожилых родственников усиливает потребность в уходе во время кризиса. Положение одиноких родителей, 78,4 % которых во всем мире составляют женщины,²⁴ может быть еще сложнее, особенно если им приходится достигать баланса между работой (очно или дистанционно) и заботой о детях в одиночку. В рамках недавно проведенного в Европе онлайн-опроса 10,6 % женщин-респондентов (в возрасте от 35 до 49 лет) сообщили, что во время кризиса семейные обязанности всегда или чаще всего не позволяют им уделять необходимое время работе, по сравнению с 6,7 % респондентов мужского пола.²⁵ Помимо аспекта ухода, МОТ также подчеркивает риск усиления домашнего насилия во время кризиса, в первую очередь из-за введения мер самоизоляции.²⁶

Последние данные обследований рабочей силы подтверждают ухудшение ситуации с занятостью женщин. В странах, по которым имеются данные за апрель и май 2020 г., сокращение занятости в годовом выражении было значительно выше для женщин, чем для мужчин (Рисунок 6). Например, в Канаде, Колумбии и США занятость женщин с апреля 2019 г. по апрель 2020 г. сократилась более чем на 16 %. В мае спад продолжился.²⁷

Такое несоизмеримо высокое воздействие на женщин способно свести на нет ряд достижений в сфере гендерного равенства на рынке труда и усугубить неравенство. Кризисы прошлого показали, что когда женщины теряют работу, объем их неоплачиваемого труда по уходу возрастает, а когда число вакансий ограничено, женщинам нередко отказывают в возможностях трудоустройства, доступных мужчинам.²⁸

¹⁹ МОТ, [Impact of the COVID-19 crisis on loss of jobs and hours among domestic workers](#), 15 июня 2020.

²⁰ Данные по Арабским государствам недостаточны для оценки.

²¹ МОТ, [COVID-19 and the health sector](#), 11 апреля 2020.

²² МОТ, [The COVID-19 response: Getting gender equality right for a better future for women at work](#), Май 2020.

²³ МОТ, [Care Work and Care Jobs for the Future of Decent Work](#) (Geneva, 2018), 65.

²⁴ МОТ, [Care Work and Care Jobs for the Future of Decent Work](#) (Geneva, 2018), 19.

²⁵ Данные основаны на ответах респондентов из 27 стран ЕС, см. онлайн-опрос "[Eurofound Living, working and COVID-19](#)" (начат 9 апреля),

²⁶ См. МОТ, [ILO Violence and Harassment Convention, 2019 \(No. 190\): 12 Ways It Can Support the COVID-19 Response and Recovery](#), май 2020.

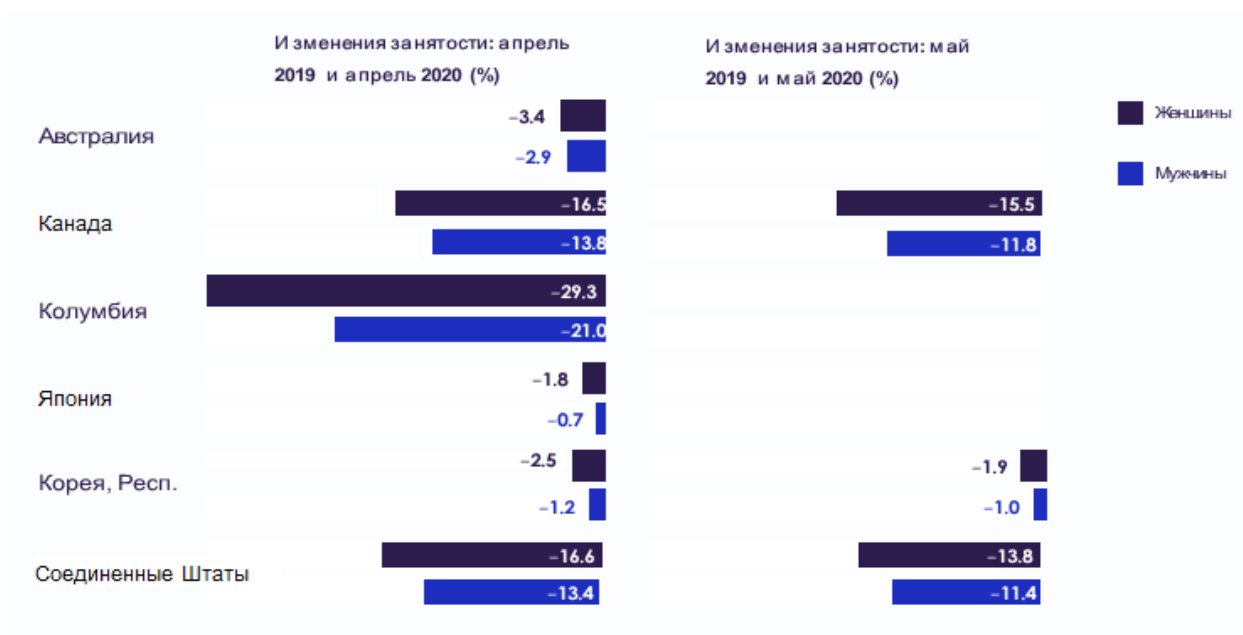
²⁷ На основании данных онлайн-опроса Adams-Prassl и соавт. (2020) указывают на то, что вероятность потери работы во время кризиса более высока для женщин, чем для мужчин в Великобритании и США; при этом в Германии, где воздействие на рынок труда было менее выраженным, статистического расхождения по половому признаку не наблюдается. См. Abigail Adams-Prassl и соавт., "[Inequality in the impact of the coronavirus shock: evidence from real time surveys](#)". IZA Discussion Paper No. 13183, Апрель 2020.

²⁸ ЮНКТАД, "The Gender Dynamics of Inclusion and Exclusion: A Macro Perspective on Employment", в ЮНКТАД, [Trade and Development Report 2017](#):

Чем больше будут потери женщин в сфере занятости в период действия ограничительных мер и чем серьезнее будет дефицит рабочих мест после вызванного COVID-19 кризиса, тем сложнее будет восстановить занятость женщин. Следовательно, текущий кризис может свести на

нет как достижения женщин на рынке труда, так и положительные (хотя и медленные) изменения в распределении неоплачиваемого труда по уходу.

► **Рисунок 6. Изменения в занятости женщин и мужчин (в возрасте 15+), отдельные страны, изменения в годовом выражении с апреля 2019 г. по апрель 2020 г. и с мая 2019 г. по май 2020 г. (%)**

Источник: база данных ILOSTAT.

Часть II. Взгляд в будущее: перспективы и политические задачи

1. Прогнозы на второе полугодие 2020 г.: восстановление будет носить неустойчивый и неполный характер

Пандемия привела к нестабильности на рынке труда и масштабным потерям рабочих мест и доходов в первом полугодии 2020 г. Прогнозировать результаты на рынке труда во втором полугодии нелегко из-за отсутствия примеров темпов восстановления рынка труда после подобного кризиса в прошлом. Тем не менее, важно рассматривать различные возможные пути восстановления. Для этого МОТ разработала модель для расчета часов, отработанных во втором полугодии

Рассматриваются три сценария: (а) базовый; (b) оптимистический; (с) пессимистический.

- *Базовый сценарий:* Базовый сценарий опирается на последние прогнозы роста ВВП, приведенные в июньском экономическом прогнозе ОЭСР *OECD Economic Outlook*²⁹ и исследовательским центром Economist Intelligence Unit, которые предсказывают значительное восстановление экономической

²⁹ *Beyond Austerity – Towards a Global New Deal* (Нью-Йорк и Женева, 2017), с. 67-92.

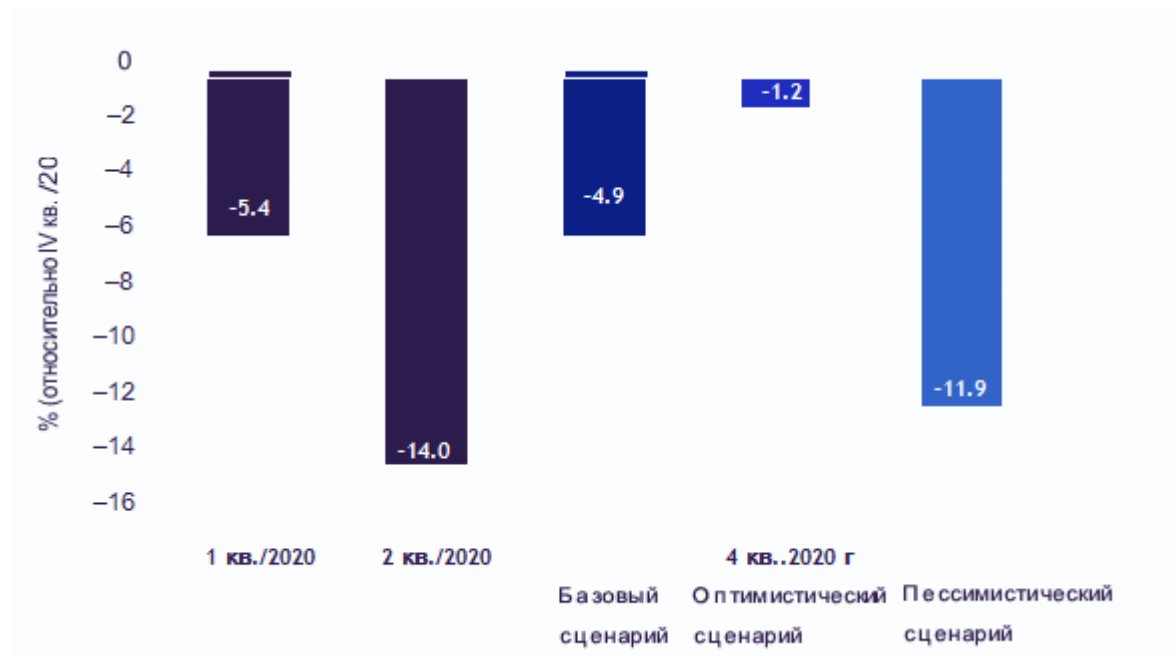
²⁹ ОЭСР, *OECD Economic Outlook, June 2020*.

2020 г., исходя из краткосрочного прогноза часов, отработанных в первом полугодии (подробнее см. в Техническом приложении 4).

активности во второй половине года, что, тем не менее, не позволит избежать существенного снижения производительности в 2020 г. по сравнению с докризисным периодом. Прогноз ОЭСР исходит из того, что ограничения на рабочих местах будут сняты, а потребление и инвестиции в значительной степени восстановлены.

- *Пессимистический сценарий*: Пандемия продолжится или приведет ко второй волне масштабного закрытия рабочих мест. Увеличение ВВП соответствует сценарию второй волны, изложенному в июньском экономическом прогнозе ОЭСР (2020), предполагающем снижение темпов роста ВВП в последнем квартале года.
- *Оптимистический сценарий*: Показатель отработанных часов быстрее реагирует на разрыв о объемах производства по сравнению с долговременной тенденцией (т. е., используются верхние 5 % предполагаемого распределения вместо среднего значения распределения, которое используется в базовом сценарии).

Рисунок 7. Прогнозы потерь рабочего времени во втором полугодии (4 квартале) 2020 г., весь мир (%)

Примечание: В Техническом приложении 4 представлены дополнительные подробности применения различных сценариев для получения прогнозов.

Согласно **базовому сценарию**, общемировой объем рабочего времени (по сравнению с последним докризисным кварталом, т. е. 4 кварталом 2019 г.) после достижения пика во втором квартале сократится на **4,9 % в четвертом квартале, что эквивалентно полному рабочему времени 140 млн работников** (при условии 48-часовой рабочей недели) (Рисунок 7). Это означает, что к концу 2020 г. рынки труда, по всей видимости, будут далеки от восстановления в полном объеме.

При **пессимистическом сценарии** ситуация во втором полугодии 2020 г. будет оставаться почти такой же

сложной, как и во 2 квартале. Даже при условии, что будут приняты более адресные политические меры, разработанные с учетом опыта первого полугодия, по сравнению с четвертым кварталом 2019 г. **общемировой объем рабочего времени в конце 2020 г. сократится на 11,9 %, или 340 млн рабочих мест в ЭПЗ.**

При **оптимистическом сценарии** масштаб потерь рабочего времени в четвертом квартале 2020 г. сократится до **34 млн рабочих мест в ЭПЗ; разрыв с четвертым кварталом 2019 г. составит 1,2 %.**

Таблица 2: Прогнозы потерь рабочего времени во втором полугодии (4 квартале) 2020 г., по регионам (% и эквивалент полной занятости)

	2 квартал 2020 г.			Базовый сценарий			Пессимистический сценарий			Оптимистический сценарий		
	Потери рабочего времени	ЭПЗ (часов)	(48)	Потери рабочего времени	ЭПЗ (часов)	(48)	Потери рабочего времени	ЭПЗ (часов)	(48)	Потери рабочего времени	ЭПЗ (часов)	(48)
	%	млн		%	млн		%	млн		%	млн	
Весь мир	14,0	400		4,9	140		11,9	340		1,2	34	
Африка	12,1	45		3,5	13		10,8	40		-0,1	0	
Северная и Южная Америка	18,3	70		7,8	29		15,6	60		2,5	9	
Арабские государства	13,2	8		3,9	2		11,9	7		-0,1	0	

Азиатско-Тихоокеанский регион	13,5	235	4,5	80	11,5	200	1,2	21
Европа и Центральная Азия	13,9	45	5,4	18	10,6	35	1,2	4

Примечания: (1) Отрицательные значения указывают на восстановление до уровней выше докризисных. (2) Дополнительную информацию о сценариях см. в Техническом приложении 4.

Прогнозы МОТ на второе полугодие 2020 г. показывают большие различия между регионами, как и в случае с краткосрочными прогнозами на первое полугодие (Таблица 2). Наиболее быстро восстановление потерь рабочего времени будет проходить в Африке — регионе, в котором исторически сложились высокие показатели занятости из-за большой доли участия в неформальной экономике.³⁰ Самое медленное восстановление в относительном выражении ожидается в Северной и Южной Америке, где к концу четвертого квартала 2020 г. Ожидаемые потери рабочего времени будут составлять от 3 % до 16 %.

2. Политические меры реагирования

Беспрецедентные спады на рынке труда требуют своевременной и широкомасштабной поддержки предприятий и работников во всем мире. Основы политики МОТ по борьбе с вызванным COVID-19 кризисом подчеркивают важность действий по четырем основным направлениям (см. Рисунок 8).

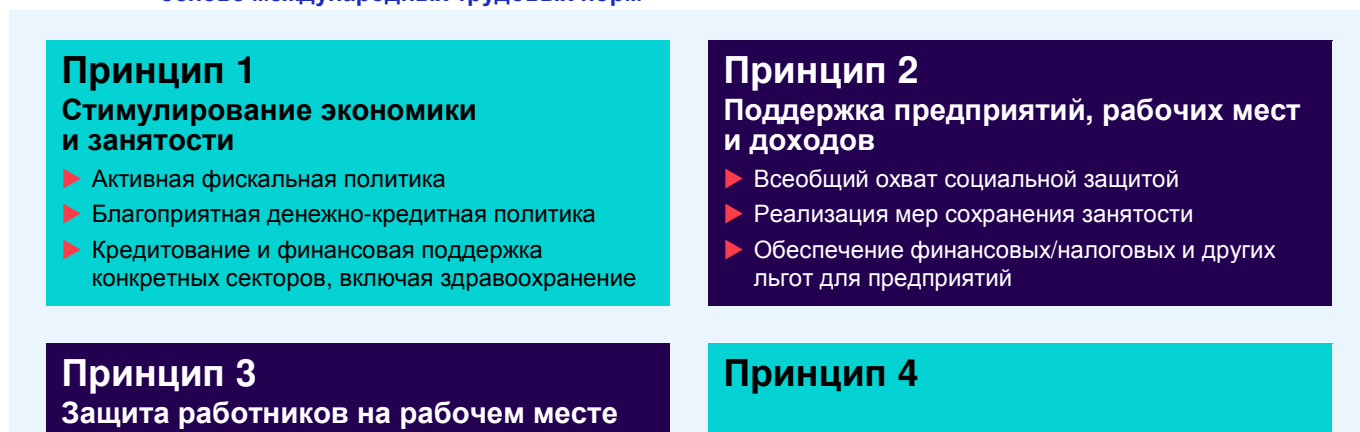
Действия на сегодняшний день: Мобилизация ресурсов для поддержки экономики и занятости

Особенно важно привлечь ресурсы и эффективно их распределить для преодоления далеко идущих

экономических и социальных последствий пандемии и содействия восстановлению с расширением занятости, обеспечивая при этом защиту работников на рабочем месте. Действительно, **многие страны оперативно внедрили широкий спектр политических мер, уделяя особое внимание Принципам 1 и 2 Основ политики МОТ** по стимулированию экономики и занятости и поддержке предприятий, рабочих мест и доходов.

В большинстве стран были предприняты значительные, зачастую беспрецедентные усилия с помощью инструментов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики для максимально быстрого выделения ресурсов, чтобы предотвратить экономический коллапс и поддержать доходы и рабочие места. Это потребовало нововведений и определенной гибкости. Во многих странах в связи с вызванным COVID-19 кризисом были отменены фискальные правила и правовые ограничения для политики увеличения фискальной массы, в то время как центральные банки вышли далеко за рамки своей привычной роли, используя свои средства для непосредственного вмешательства в экономику и покупки большого количества государственных и корпоративных облигаций.

► **Рисунок 8. Основы политики МОТ: Четыре главных принципа борьбы с вызванным COVID-19 кризисом на основе международных трудовых норм**

³⁰ Учитывая высокую степень неформальной занятости в регионе, восстановление не предполагает возврата к качественным (т. е.

формальным) рабочим местам, а лишь восстановление общего уровня занятости.

- ▶ Усиление мер безопасности и гигиены труда
- ▶ Адаптация форм организации труда (например, дистанционная работа)
- ▶ Предотвращение дискриминации и социальной изоляции
- ▶ Обеспечение всеобщего доступа к медицинскому обслуживанию
- ▶ Расширение доступа к оплачиваемым отпускам

Поиск решений с опорой на социальный диалог

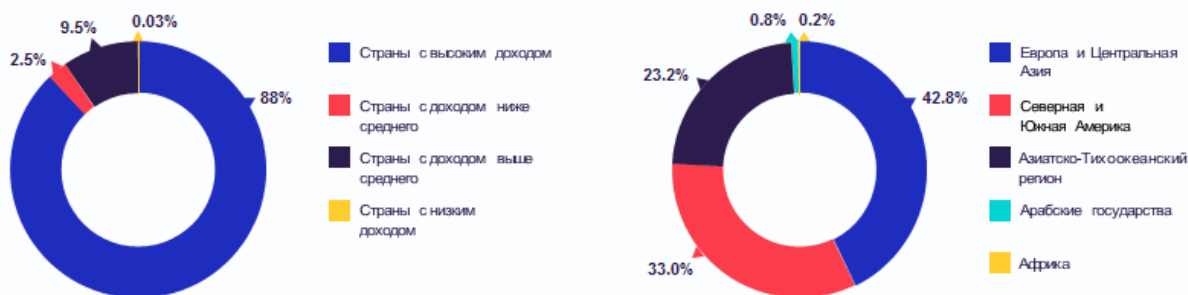
- ▶ Укрепление потенциала и устойчивости организаций работодателей и работников
- ▶ Укрепление потенциала правительств
- ▶ Укрепление социального диалога, ведения коллективных переговоров, а также учреждений и процессов, регулирующих трудовые отношения

К концу мая 2020 г. более 90 стран ввели либо подготовили к введению фискальные меры на общую сумму более 10 трлн долл. США. Также, в сопоставимом количестве стран с момента начала кризиса были снижены процентные ставки.

Налогово-бюджетные меры, принятые в развитых странах (средний объем таких мер — порядка 5 % ВВП страны в каждом отдельном случае), составляют 88 % мировой программы стимулирования экономики (Рисунок 9). Состав принятых мер отличался по странам, но, как правило, включал отсрочки и отмены налогов, взносов на социальное обеспечение и других платежей, а также предоставление грантов, кредитных гарантий и

субсидий на выплату заработной платы предприятиям, включая МСП (в некоторых случаях только при условии сохранения рабочих мест). Большая часть дискреционных расходов в наиболее развитых странах пришлось на расширение существующих схем социальной защиты для работников и уязвимых домохозяйств (включая пособия по безработице, пособия по болезни и социальную помощь). Также были быстро приняты значительные традиционные и нетрадиционные меры денежно-кредитной политики, чтобы предотвратить кризис ликвидности.

▶ Рисунок 9. Глобальная финансовая поддержка по группам доходов и регионам (по состоянию на 8 июня 2020 г., %)

Источник: Расчеты МОТ на основе индикаторов мер преодоления пандемии COVID-19 МВФ (доступно по ссылке: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19>) и набора данных Bruegel "The fiscal response to the economic fallout from the coronavirus" (доступно по ссылке: <https://www.bruegel.org/publications/datasets/covid-national-dataset/>)

Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой отреагировали не менее быстро, однако объемы их налогово-бюджетных мер были намного скромнее. В развивающихся странах и странах с формирующейся экономикой размер финансовой помощи в среднем составил 2,3 % ВВП, что отражает их менее

благоприятное положение.³¹ Принятые ими меры в целом составляют лишь 2,5 % от объема общемировых налогово-бюджетных мер (Рисунок 9). Их довольно ограниченные ресурсы использовались в основном для поддержки уязвимых предприятий, отсрочки платежей и оказания чрезвычайной помощи наиболее уязвимым группам посредством прямых денежных переводов (в основном, специальных пособий и грантов), поддержки в

³¹ См. Prayag Deb и соавт. "The economic effects of COVID-19 containment measures", 17 июня 2020 г., Covid Economics, Vetted and Real-Time Papers 19 (18 мая 2020): с. 53–86 и 24 (1 июня 2020): с. 32–75.

натуральной форме и программ общественных работ. Несмотря на эти усилия, ограниченный охват пособий по безработице и других схем социальной защиты создал много сложностей для предотвращения ущерба в странах с развивающейся и переходной экономикой, в особенности для работников и домохозяйств, занятых в неформальной экономике.

Во многих странах с низким уровнем дохода ситуация еще более сложная, поскольку бюджет крайне ограничен, как показано на Рисунке 9. Эти ограниченные бюджетные возможности были еще сильнее истощены резким снижением цен на сырьевые товары, экспортных поступлений, денежных переводов и иностранных инвестиций. Без широкомасштабной международной поддержки многим из этих стран будет недоступно стимулирование экономики и занятости посредством фискальных мер.

Что касается денежно-кредитной политики, многие страны с развивающейся и переходной экономикой имеют потенциал для дальнейшего снижения процентных ставок, но необходимы дополнительные усилия по поиску устойчивых и эффективных способов мобилизации ресурсов, учитывая ограничения трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики в этих странах.

Кроме того, из-за обширного характера вмешательств и необходимой срочности возникло много проблем с реализацией политики в странах всех регионов и групп доходов.

В целом, применение мер наиболее гладко прошло там, где уже существовали надежные институциональные структуры, такие как хорошо развитые и обеспеченные ресурсами системы социальной защиты, эффективная налоговая система, хорошо капитализированный банковский сектор и сильные государственные инвестиционные банки. Некоторые страны адаптировали эти уже существующие институты, чтобы внедрить такие инновации, как новые схемы распределения работы, расширение поддержки самозанятых, определение критериев для выплат и гарантий.

Многие страны смогли быстро отреагировать, мобилизовав, расширив и адаптировав существующие механизмы социальной защиты. Согласно Вестнику МОТ по вопросам социальной защиты в связи с COVID-19³², по состоянию на 16 июня в 200 странах и территориях было объявлено 1166 мер социальной защиты в различных областях, включая меры по защите здоровья и доходов, защите от безработицы и защите рабочих мест.

Инновационные подходы также позволили обеспечить своевременность и эффективность

ответных мер, как в развитых, так и в развивающихся странах. Например, цифровые технологии и мобильные телефоны широко использовались во многих странах, в том числе для регистрации и выплаты пособий в рамках программ социальной защиты.³³ Некоторые развивающиеся страны (например, Гана и Нигерия) создали специальные механизмы для направления международных гуманитарных средств и денежных переводов в адрес наиболее уязвимых слоев населения. Отсрочки налоговых выплат и освобождение от них помогли быстро обеспечить ресурсами домохозяйства и предприятия. Кроме того, некоторые страны и города направляли домохозяйствам денежные переводы в виде цифровых сертификатов на потребление, чтобы не допустить использования этих средств для сбережений или погашения долгов, или предлагали туристические ваучеры для использования в местных ресторанах (например, в Японии и Республике Корея).

Основные задачи на будущее

Несмотря на то, что по всему миру приняты чрезвычайные и зачастую беспрецедентные меры, ущерб, нанесенный вызванным COVID-19 кризисом рынкам труда, огромен и ставит серьезнейшие задачи перед теми, кто формирует политику в сфере труда. Фактические результаты, достигаемые на рынке труда в оставшуюся часть 2020 г. и последующий период, будут зависеть от того, какой выбор они сделают, а также от сценария развития пандемии в будущем. Более того, решения, принятые в ближайшее время, могут иметь долгосрочные последствия для сферы труда.

Не все страны столкнутся с одними и теми же проблемами. Серьезность стоящих перед ними задач и инструменты и ресурсы, которые они смогут задействовать, будут значительно различаться. Но большинству, если не каждой из них, придется решать ряд ключевых задач.

Во-первых, поиск правильного баланса и последовательности мероприятий в области здравоохранения и экономической и социальной политики для достижения оптимальных устойчивых результатов на рынке труда. С самого начала пандемии первостепенное значение необходимо было уделять сдерживанию вируса и прекращению его распространения, хотя результат не всегда был успешным. Это повлекло за собой значительные экономические и социальные издержки, но иначе невозможно устойчивое восстановление. Тем не менее, от политиков все чаще требуются сложные решения о времени открытия рабочих мест, соблюдении на них мер охраны здоровья и продолжении или прекращении оказания поддержки тем предприятиям и работникам,

³² МОТ, "ILO Social Protection Monitor on COVID-19".

³³ МОТ, [Social Protection Responses to the COVID-19 Pandemic in Developing Countries: Strengthening Resilience by Building Universal Social Protection](#), май 2020.

которые не могут возобновить нормальную деятельность. Принимать такие решения становится все труднее из-за затрат государства и частного сектора на продление ограничений, опасений, что преждевременные действия могут спровоцировать вторую волну пандемии, и растущего давления общественного мнения.

Во-вторых, осуществление и поддержание политических мер в необходимом масштабе на фоне того, что ресурсы становятся все более ограниченными. Общее понимание необходимости делать «все, что нужно» для поддержания экономической активности, рабочих мест, предприятий и доходов в ходе пандемии привело к тому, что правительства отменили ранее поставленные бюджетно-налоговые и денежно-кредитные цели. Даже если пандемия отступит в ближайшие месяцы, многие страны столкнутся с высоким уровнем долга и крайне ограниченными возможностями проведения денежно-кредитной политики. Продолжительный ущерб, нанесенный рынкам труда, и преобладание сложной глобальной экономической обстановки в ближайшем будущем указывают на то, что для устойчивого восстановления меры поддержки должны будут сохраняться даже в этих беспрецедентных условиях. Преждевременная консолидация бюджета, подобная последовавшей за финансовым кризисом 2008-2009 гг., может привести к дестабилизации и без того слабых рынков труда.

В-третьих, поддержка уязвимых и сильно пострадавших категорий населения и обеспечение более справедливых результатов, достигаемых на рынке труда. Из-за пандемии неравенство и другие проблемы сферы труда вышли на первый план. Еще до появления COVID-19 женщины, молодежь и неформальные работники находились в крайне неблагоприятном положении в начале кризиса, и сейчас они относятся к числу тех, кто испытал на себе ряд его наиболее серьезных последствий. Также общество пересмотрело свое отношение к зачастую трудной и недооцененной работе отдельных групп рабочей силы — в первую очередь работников здравоохранения и социального обеспечения, уборщиков, домашних работников — чей вклад был и остается очень важным для преодоления пандемии. Если улучшению положения наиболее незащищенных и уязвимых групп населения не будет уделено должное внимание, процессы восстановления могут быть связаны с риском усугубления существующего неравенства.

В-четвертых, обеспечение международной солидарности и поддержки, особенно для стран с развивающейся и переходной экономикой. Каковы бы ни были достижения отдельных стран, общая реакция на глобальный кризис COVID-19 характеризовалась заметным дефицитом международного сотрудничества. Данные, представленные в этом выпуске Вестника МОТ, показывают, что колоссальный объем ресурсов, выделенный странами с высоким уровнем дохода для борьбы с пандемией, другим странам просто недоступен.

Это оказывает существенное влияние на способность развивающихся стран и стран с переходной экономикой защищать своих граждан и сдерживать пандемию, что, в свою очередь, ухудшает перспективы и всех остальных стран. Риторика о необходимости общемирового ответа на глобальный кризис, вызванный COVID-19, должна быть воплощена в конкретные меры по оказанию помощи странам с ограниченными финансовыми возможностями, в частности посредством многосторонних действий по предоставлению льготного финансирования и снижению долговой нагрузки.

В-пятых, укрепление социального диалога и соблюдение прав в сфере труда. Во многих случаях социальный диалог, объединяющий правительства, работодателей и работников, показал свою ценность при формировании эффективных, сбалансированных и приемлемых политических мер реагирования на COVID-19 на отраслевом и национальном уровнях. Социальный диалог также способен содействовать формированию устойчивых путей восстановления в предстоящий период. Во время пандемии люди в большинстве стран подвергались серьезным ограничениям личных свобод, что, в целом, считалось необходимым и обоснованным. Тем не менее, допустимость таких мер зависит от их соразмерности, уместности и ограниченности по времени. Пандемия COVID-19 не дает никаких оснований для каких-либо ограничений основных прав в сфере труда, закрепленных международными трудовыми нормами, и их безоговорочное соблюдение является необходимой предпосылкой для эффективного социального диалога.

Построение лучшего будущего сферы труда

До начала пандемии международное сообщество уже взяло на себя обязательства по реализации далеко идущих, трансформационных изменений в процессах глобального развития и сфере труда, приняв Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и Декларацию столетия МОТ о будущем сферы труда.

Мир выйдет из пандемии с более высокими уровнями безработицы, неравенства, бедности, долговых обязательств и политических разочарований. Поэтому еще важнее, чтобы правительства, по отдельности и сообща, сделали центральным пунктом планов по восстановлению не просто возврат к докризисной ситуации, а восстановление по принципу «лучше, чем было».

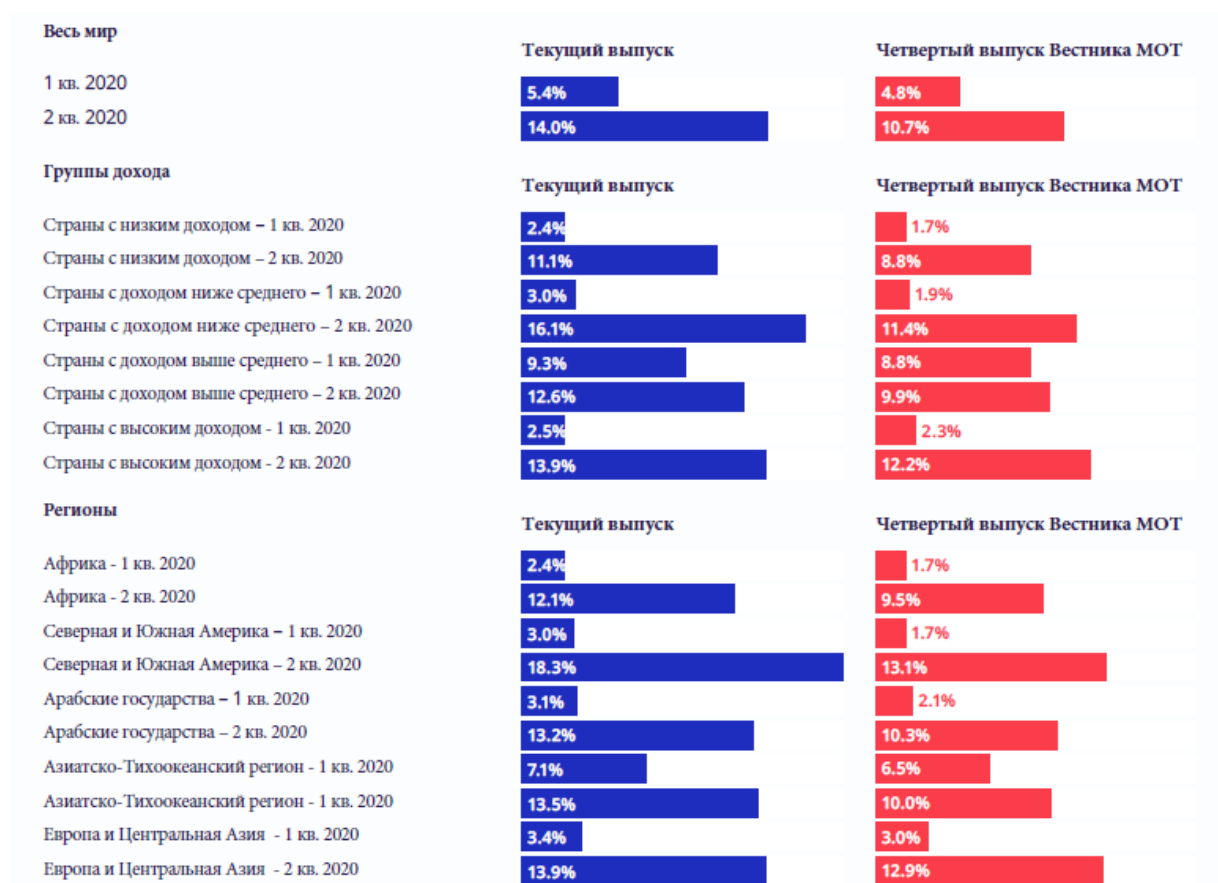
В этом отношении в Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда изложена ориентированная на человека повестка дня в интересах будущего сферы труда, включающая инвестиции в развитие способностей человека, институты рынка труда и устойчивые рабочие

места в будущем, что дает важные ориентиры для решения стоящих перед нами ключевых задач.

▶ Статистические приложения

Приложение 1: Оценка потерь рабочего времени

▶ Рисунок А1. Изменение оценки потерь рабочего времени

Источник: Модель краткосрочного прогнозирования МОТ (см. Техническое приложение 1).

► Технические приложения

Приложение 1: Потери рабочего времени: модель краткосрочного прогнозирования МОТ

МОТ продолжает отслеживать последствия кризиса COVID-19 для рынка труда, используя свою модель краткосрочного прогнозирования. Эта статистическая модель позволяет получить оценку ситуации на рынке труда в реальном времени, основанную на актуальных экономических показателях и данных о занятости. При таком подходе сценарий развития кризиса не задан явным образом, а формируется динамически по мере поступления данных. Целевой показателем модели краткосрочного прогнозирования МОТ — это отработанные часы³⁴, а точнее, сокращение отработанных часов, которое можно соотнести с распространением COVID-19. Чтобы оценить это снижение, мы взяли за отправную точку фиксированный базовый период: четвертый квартал 2019 г. с учетом сезонных колебаний. Модель прогнозирует снижение часов, отработанных в первом и втором кварталах 2020 г., по сравнению с базовым периодом. Поэтому приведенные цифры не следует интерпретировать как квартальные или среднегодовые темпы роста. Кроме того, для расчета эквивалентов полной занятости (ЭПЗ) на основании снижений в процентном выражении используется контрольный показатель снижения отработанных рабочих часов в неделю до вызванного COVID-19 кризиса.

К моменту подготовки настоящего выпуска Вестника МОТ объем информации, позволяющей отслеживать ситуацию на рынке труда, существенно увеличился. В частности, в модель были добавлены следующие источники данных: данные обследований рабочей силы за первый квартал, апрель и май 2020 г., административные данные о рынке труда (например, зарегистрированный уровень безработицы) и актуальные данные о перемещении людей, полученные компанией Google с мобильных телефонов (Google Community Mobility Reports). Также при оценке были использованы обновленные данные Google Trends, актуальные значения индекса строгости мер реагирования Оксфордского университета и новые данные о распространении COVID-19. Само моделирование заняло несколько дней. Результаты были систематизированы 17 июня, а последнее обновление данных охватывало период с 10 по 15 июня, в зависимости от источника. Для моделирования взаимосвязи этих переменных с отработанными часами использовался метод главных компонент. На основе имеющихся оперативных данных оценивается ретроспективная статистическая зависимость между этими показателями и реально отработанными часами, а полученные коэффициенты используются для прогнозирования дальнейшей динамики показателя отработанных часов с учетом последних наблюдаемых индикаторов краткосрочного прогнозирования. Мы оцениваем множество взаимосвязей на основе точности их прогноза и того, как они проявляют себя в поворотные моменты, чтобы построить средневзвешенный прогноз. Для тех стран, по которым имелись высокочастотные данные об экономической активности, но либо отсутствовали данные для целевой переменной, либо вышеуказанная методология не дает удовлетворительных результатов, прогноз строился на основе оценочных коэффициентов и результатов других стран. Результаты основаны на высокочастотных данных об экономических показателях и рынке труда в 46 странах.

Для всех остальных стран использовался косвенный подход: потери рабочего времени были выведены методом экстраполяции данных по тем странам, где применялся прямой подход. Основой для экстраполяции стало наблюдаемое согласно отчетам о перемещении Google Community Mobility Reports³⁵ снижение частоты перемещений, а также публикуемый Оксфордским университетом Индекс строгости мер реагирования правительств разных стран на COVID-19, поскольку велика вероятность, что в странах с соизмеримым снижением частоты перемещений и одинаково строгими ограничениями потери отработанного времени будут сходными. Из отчетов Google Community Mobility Reports брались средние значения индекса пребывания на рабочем месте и индекса нахождения в местах розничной торговли и отдыха. Индексы мобильности и строгости мер реагирования объединены в один показатель³⁶ методом главных компонент (PCA). Для стран, по которым отсутствовали данные об ограничениях, экстраполяция последствий для отработанного времени проводилась на основании данных о перемещениях (при их наличии), а также на основании обновленных сведений о распространении пандемии COVID-19. Так как разные страны по-разному осуществляют подсчет случаев заболевания, для оценки распространения пандемии используется наиболее объективный показатель — количество умерших пациентов. Значение указывается в месячном выражении, но данные обновляются ежедневно. Источником является Европейский центр профилактики и контроля заболеваний. Наконец, для небольшого

³⁴ Фактическое количество отработанных часов на основном месте работы.

³⁵ Добавление снижения мобильности в качестве переменной позволяет усилить экстраполяцию результатов на страны с меньшим количеством данных. Отчеты Google Community Mobility Reports используются совместно с индексом строгости Оксфордского университета, чтобы отразить различную реализацию ограничительных мер. Показатель рассчитан не за весь первый квартал, поэтому в оценках по этому кварталу использованы только данные о строгости мер и о распространении COVID-19. Источник данных: <https://www.google.com/covid19/mobility/>

³⁶ Отсутствующие данные о мобильности выведены на основе строгости ограничительных мер.

числа стран, по которым на момент оценки данные не доступны, для условного расчета целевого показателя использовалось среднее значение по региону. В таблице A1 обобщена информация о статистических подходах, применяемых для оценки целевого показателя для каждой страны.

Учитывая исключительность ситуации и нехватку соответствующих данных, оценки могут иметь значительную погрешность. Беспрецедентные потрясения на рынке труда вследствие пандемии COVID-19 сложно оценить путем сопоставления с ретроспективными данными. Например, сложность для оценки представляет нетипично высокое снижение отработанных часов в развивающихся странах, рассматриваемое в основном документе и Техническом приложении 2. Это подразумевает сильный риск снижения глобальной трудовой активности, поэтому, если будет подтверждено, что тенденция является устойчивой и затрагивает значительное число других развивающихся стран, методы анализа потребуют дальнейшего пересмотра, а оценка глобальных потерь отработанных часов, возможно, будет скорректирована в сторону увеличения. Кроме того, на момент проведения оценки по-прежнему практически отсутствуют временные ряды с достаточным количеством измерений показателей, включая данные обследований рабочей силы. Эти ограничения приводят к высокой степени неопределенности. По этим причинам оценки регулярно обновляются и пересматриваются МОТ. В таблице на предыдущей странице приведены подходы, использованные для каждой из стран и территорий.

► Таблица A2

Подход	Используемые данные	Область применения
Краткосрочное прогнозирование на основе высокочастотных экономических данных (прямой или косвенный подход)	Высокочастотные экономические данные, в том числе: обследование рабочей силы, административные данные о рынке труда, индекс PMI (страновой или по группе), Google Trends, показатели предпринимательской уверенности и потребительского доверия	Аргентина, Австралия, Австрия, Беларусь, Бельгия, Бразилия, Болгария, Канада, Китай, Колумбия, Кипр, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Исландия, Ирландия, Израиль, Италия, Япония, Литва, Люксембург, Малайзия, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Северная Македония, Филиппины, Польша, Португалия, Республика Корея, Румыния, Российская Федерация, Сербия, Сингапур, Словакия, Словения, Южная Африка, Испания, Турция, Соединенное Королевство, США, Вьетнам
Экстраполяция на основе мобильности и мер сдерживания	Данные отчетов о перемещении Google Community Mobility Reports (только второй квартал) и/или индекс строгости ограничительных мер	Афганистан, Албания, Алжир, Ангола, Азербайджан, Багамские Острова, Бахрейн, Бангладеш, Барбадос, Белиз, Бенин, Бутан, Боливия (Многонациональное Государство), Босния и Герцеговина, Ботсвана, Бруней-Даруссалам, Буркина-Фасо, Бурунди, Кабо-Верде, Камбоджа, Камерун, Центральноафриканская Республика, Чад, Чили, Конго, Коста-Рика, Хорватия, Куба, Кот-д'Ивуар, Демократическая Республика Конго, Джибути, Доминиканская Республика, Эквадор, Египет, Сальвадор, Эритрея, Эсватини, Эфиопия, Фиджи, Габон, Гамбия, Грузия, Гана, Гуам, Гватемала, Гвинея, Гвинея-Бисау, Гайана, Гаити, Гондурас, Гонконг (Китай), Индия, Индонезия, Иран (Исламская Республика), Ирак, Ямайка, Иордания, Казахстан, Кения, Кувейт, Кыргызстан, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Латвия, Ливан, Лесото, Либерия, Ливия, Макао (Китай), Мадагаскар, Малави, Мали, Мальта, Мавритания, Маврикий, Монголия, Марокко, Мозамбик, Мьянма, Намибия, Непал, Никарагуа, Нигер, Нигерия, Норвегия, оккупированная палестинская территория, Оман, Пакистан, Панама, Папуа-Новая Гвинея, Парагвай, Перу, Пуэрто-Рико, Катар, Республика Молдова, Руанда, Саудовская Аравия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Соломоновы Острова, Сомали, Южный Судан, Шри-Ланка, Судан, Суринам, Швеция, Швейцария, Сирийская Арабская Республика, Таджикистан, Таиланд, Тимор-Лешти, Того, Тринидад и Тобаго, Тунис, Туркменистан, Уганда, Украина, Объединенные Арабские Эмираты, Объединенная Республика Танзания, Уругвай, Узбекистан, Венесуэла (Боливарианская Республика), Йемен, Замбия, Зимбабве
Экстраполяция на основе заболеваемости COVID-19	Предварительные данные по заболеваемости COVID-19, Подробные сведения о субрегионе	Армения, Коморские Острова, Экваториальная Гвинея, Французская Полинезия, Мальдивы, Черногория, Новая Каледония, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Сан-Томе и Принсипи, Американские Виргинские острова
Экстраполяция на основе региона	Подробные сведения о субрегионе	Нормандские острова, Корейская Народно-Демократическая Республика, Самоа, Тонга, Вануату, Западная Сахара

Примечания: (1) Области применения соответствуют странам и территориям, для которых рассчитываются смоделированные оценки МОТ. (2) Странам и территориям присваивается категория в соответствии с подходом, использованным для второго квартала. (3) Для моделирования воздействия на Китай в первом квартале, при экстраполяции, применяемой для получения результата по стране, используется зависимая переменная (потери рабочего времени), а также данные Google Trends для стран, по которым есть данные за второй квартал. Это связано с тем, что экстраполяция выполняется за квартал, в котором на целевую страну в среднем оказывается значительное влияние. Также, учитывая то, что с момента выхода четвертой версии Вестника МОТ новой информации по первому кварталу в Китае не поступало, оценка для первого квартала осталась той же. Для прогноза по Китаю во втором квартале применялся тот же подход: использовались обновленные значения индекса Оксфордского университета и индекса Purchasing Managers Index; однако не использовались данные Google Trends вследствие неравномерной репрезентативности по странам. Для Мексики использовались результаты проведенного в апреле 2020 г. исследования «Encuesta Telefónica de Oscuración y Empleo» (Телефонный опрос в области труда и занятости), сопоставленные с данными за апрель 2019 г. Для Филиппин использовалась специальная версия Обследования рабочей силы за апрель 2020 г., сопоставленная с данными за апрель 2019 г. Наконец, для Бразилии использовались данные обследования PNAD-COVID (PNAD = Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílio Contínua [Постоянное национальное выборочное обследование домохозяйств]), проведенного в мае 2020 г. (сравнены со скользящим средним за 3 месяца 2019 г.: апрель, май и июнь). При использовании данных PNAD-COVID в настоящее время не представляется возможным рассчитать снижение количества отработанных часов из-за фактора сокращения рабочего времени. Анализ стран в похожей ситуации показывает небольшую, но переменную значимость этого фактора. Затем в модель были введены данные по Бразилии с предположением, что количество часов у трудоустроенных и работающих не уменьшается, что приводит к незначительной недооценке потерянных часов в этой стране.

Приложение 2. Влияние COVID-19 на рынок труда в развивающихся странах: Данные последних доступных обследований рабочей силы

Вызванный COVID-19 кризис оказывает значительное влияние на мировую экономику с начала первого квартала 2020 г., но сопоставимые международные данные для измерения его влияния на рынок труда ограничены небольшой выборкой развитых стран. В настоящем выпуске Вестника МОТ впервые учтены только недавно обнародованные данные о рабочей силе из развивающихся стран, позволяющие судить о степени воздействия кризиса на рынки труда этих стран.

Данные репрезентативных национальных обследований рабочей силы, охватывающие период, в течение которого были приняты строгие ограничительные меры, были опубликованы для четырех развивающихся стран: Бразилия (сбор данных в мае), Колумбия (сбор данных в апреле), Мексика (сбор данных в апреле) и Филиппины (сбор данных с середины апреля до середины мая). Кроме того, Перу опубликовала аналогичные данные для столицы страны Лимы и столичной агломерации (сбор данных в апреле). Эти данные, хотя они скудны и географически неоднородны, представляют собой первые сопоставимые на международном уровне наборы данных, опирающиеся на официальную статистику и свидетельствующие о воздействии вызванного COVID-19 кризиса на рынки труда развивающихся стран.

Новые данные указывают на значительное снижение трудовой активности в развивающихся странах. Вопреки историческому опыту, во время текущего кризиса показатель отработанных часов в развивающихся странах снизился сильнее, чем в развитых странах — по крайней мере среди стран, по которым имеются данные. Рассматривая количество отработанных часов на основном месте работы и сравнивая их с предыдущим сопоставимым периодом, можно утверждать, что месячное сокращение отработанных часов превысило 50 % в Колумбии и почти 60 % на Филиппинах. Что касается Мексики, то снижение было близко к 40 %, а на основании общедоступных данных по Бразилии можно сделать вывод о потерях не менее, чем 25 %. Географически ограниченное исследование, проведенное в Перу, указывает на еще большее снижение (около 80 %), но это может быть связано с тем, что городские районы значительно больше пострадали от ограничительных мер. В апреле индекс национального производства Перу показал падение примерно на 40 %.

Напротив, апрельские данные по Канаде и США показали сокращение отработанного времени примерно на 30 % и 20 % соответственно, а данные по Соединенному Королевству за последнюю неделю марта (когда строгие меры сдерживания уже были приняты) показали снижение примерно на 25 %. У наблюдаемой выше закономерности может быть несколько причин. Например, в развивающихся странах дистанционная работа не подходит для профессий, на которые приходится большая доля занятости. Кроме того, неформальная занятость может более существенно снижать эффективность ограничительных мер.

Хотя новые данные обследований рабочей силы дают информативное первичное представление о влиянии вызванного COVID-19 кризиса на ключевые рынки труда в развивающихся странах, эти данные слишком скудны, чтобы делать какие-либо серьезные выводы. Выборка доступных стран невелика и нерепрезентативна для региона; она охватывает ряд стран с чрезвычайно строгими мерами сдерживания COVID-19 и страны с относительно низкой долей занятости в сельском хозяйстве. Кроме того, пандемия повлияла на методы обследования рабочей силы, включая методы сбора данных (например, проведение опроса по телефону вместо личных интервью). Имеющиеся данные по Бразилии и Мексике фактически получены не в ходе регулярно проводимого в этих странах обследования, а в результате специально организованных действий по сбору данных. Кроме того, следует задаться важным вопросом о том, насколько сильно введение мер сдерживания влияет на ответы респондентов, участвующих в обследовании рабочей силы (например, сообщение о том, что работа не выполнялась, если их деятельность запрещена на время карантина).

В целом, эти новые данные являются высокоинформативными и по этой причине включены в модель краткосрочного прогнозирования МОТ. Наряду с новыми высокочастотными данными, подтверждающими дальнейшее ослабление экономики, это привело к значительному увеличению прогнозируемого количества потерянных часов во втором квартале 2020 г. По мере поступления дополнительной информации следует ожидать дальнейших изменений.

Приложение 3. Декомпозиция потерь рабочего времени

Источником необходимых данных для проведения декомпозиции потерь рабочего времени является хранилище микроданных МОТ. В этом уникальном репозитории хранятся данные ОРС по Соединенным Штатам (апрель 2020 г.), Канаде (апрель 2020 г.), Республике Корея (апрель 2020 г.), Соединенному Королевству (последняя неделя марта 2020 г.), Перу (апрель 2020 г. — только столичная агломерация Лимы). Хотя микроданные за апрель недоступны для Мексики, Национальный институт статистики и географии этой страны опубликовал подробные результаты специального обследования, проведенного в апреле 2020 г. для оценки воздействия вызванного COVID-19 кризиса. В качестве контрольного периода для оценки воздействия кризиса используется соответствующий календарный период 2019 г. (чтобы избежать сезонных эффектов). Единственным исключением является Канада, для которой используются данные апреля 2018 г., поскольку данные за 2019 г. имеют выраженный сезонный характер. Даже при том, что данные ОРС в целом сопоставимы на международном уровне, по-прежнему существуют отличия в том, как разные страны ведут статистику. Учитывая исключительный экономический период, по которому проводится анализ, эти различия могут повлиять на результаты.

В таблице ниже представлены переменные и их обозначения:

Переменная (в момент времени t)	Условное обозначение
Общее количество отработанных часов	H^t
Численность занятого населения	E^t
Среднее количество отработанных часов	$h^t = H^t/E^t$
Численность бездействующего населения	I^t
Численность безработного населения	U^t
Численность занятого населения, не находящегося на работе	$ENAW^t$
Численность занятого населения, находящегося на работе	EAW^t
Среднее количество часов на одно занятое лицо, находящееся на работе	$\tilde{h}^t = H^t/EAW^t$

Примечания: (1) Применение оператора разности Δ к переменной X в момент времени t эквивалентно изменению переменной по сравнению с ее прошлым значением: $\Delta X^t = X^t - X^{t-1}$. (2) Отработанные часы, используемые в текущем анализе — общее количество фактически отработанных часов на основной работе.

Анализ в основном документе требует декомпозиции потерь рабочего времени на четыре составляющие. С помощью обозначений, указанных в таблице выше, декомпозиция может быть выражена как:

$$\begin{aligned}
 & \text{Потери рабочего времени} \quad \frac{-\Delta H^t}{E^t} \\
 & = \underbrace{\frac{-\Delta E^t \cdot h^{t-1} \cdot \max\{\Delta I^t, 0\}}{\Delta U^t + \Delta I^t}}_{\text{Потери рабочих мест, ведущие к бездействию}} - \underbrace{\frac{\Delta E^t \cdot h^{t-1} \cdot \max\{\Delta U^t, 0\}}{\Delta U^t + \Delta I^t}}_{\text{Потери рабочих мест, ведущие к безработице}} - \underbrace{E^t \cdot \tilde{h}^{t-1} \max\left\{\frac{ENAW^{t-1}}{E^{t-1}} - \frac{ENAW^t}{E^t}, 0\right\}}_{\text{Рабочие места в простое}} \\
 & \quad - \underbrace{EAW^t \max\{(\tilde{h}^t - \tilde{h}^{t-1}), 0\}}_{\text{Сокращение рабочей недели}}
 \end{aligned}$$

Знаки минус перед выражениями используются для обозначения того, что каждая переменная представляет собой потери (положительная величина), а не сокращение (отрицательная величина). Оператор максимума (max) используется в каждом выражении, чтобы избежать учета отрицательных значений любого из компонентов, которые в контексте текущего построения не являются интуитивно понятными в экономическом смысле. Если один из компонентов не может служить объяснением какого-либо снижения количества часов, вклад такого компонента устанавливается равным нулю. Это в чем-то подобно ренормализации на основе компонентов, имеющих положительные значения. Хотя декомпозиция и основывается на арифметическом построении, ее интерпретация производится с учетом ряда предположений. Для интерпретации декомпозиции необходимо сделать два ключевых допущения, поскольку микроданные обследований рабочей силы выведены на основе среза данных отдельных индивидов, а не панельной структуры. Во-первых, предполагается, что все изменения целевых переменных в отчетном периоде являются следствием вызванного COVID-19 кризиса. Во-вторых, предполагается, что потери рабочего времени, связанные с: потерей рабочих мест, ведущей к безработице; потерей рабочих мест, ведущей к бездействию; и занятостью при отсутствии работы пропорциональны изменениям в том, что касается числа пострадавших от кризиса

лиц. Это эквивалентно предположению, что те, кто стал безработным, бездействующим и чья работа была приостановлена из-за вызванного COVID-19 кризиса, отработывали в среднем то же количество часов, что и до кризиса.

Приложение 4. Прогнозы на вторую половину 2020 г.

МОТ разработала модель прогнозирования количества отработанных часов во второй половине 2020 г. Как и в модели краткосрочного прогнозирования, интересующая переменная — это среднее количество часов, отработанных человеком трудоспособного возраста. Модель указывает, что изменение количества часов является функцией, зависящей от разрыва между количеством отработанных часов с учетом долгосрочной тенденции роста ВВП и его отставания, а также то, что это изменение является показателем нахождения в периоде восстановления экономики (см. уравнение 1 ниже).

$$\Delta h_{(i,t)} = \beta_{(0,i)} + \beta_{(1,i)} \text{gap}_{(i,t)} + \beta_{(2,i)} \Delta \text{GDP}_{(i,t)} + \beta_{(3,i)} \Delta \text{GDP}_{(i,t-1)} + \beta_{(4)} \text{Recovery}_{(i,t)} \quad (1)$$

Используется многоуровневое моделирование со смешанными эффектами, то есть в модели также оценивается распределение параметров наклона для разрыва и роста ВВП. Это позволяет вывести случайные эффекты для отдельных стран, и для каждой страны получить конкретные величины отклонения коэффициентов от значения центрального коэффициента, полученного для панельных данных. Для прогноза на третий и четвертый квартал 2020 г. необходима квартальная корректировка модели. Используя выборку из 52 стран с доступными данными на ежеквартальной частоте, оцениваются коэффициенты уравнения (1) и соответствующие страновые случайные эффекты. Кроме того, уравнение (1) оценивается также для полной выборки стран по годовой частоте, чтобы вывести случайные эффекты для отдельных стран, которые затем применяются к центральным коэффициентам (ранее рассчитанным с использованием квартальных данных). Таким образом можно получить страновые коэффициенты для каждой страны. Для коэффициента, указывающего на наличие периода восстановления экономики ($\beta_{(4)}$), не было случайных эффектов для оценки, так что он одинаков для всех стран.

Для оценки разрыва в количестве отработанных часов в долгосрочной перспективе подбирается долгосрочная тенденция количества отработанных с использованием фильтра временных рядов Баттерворта. Кроме того, мы оцениваем темпы коррекции долгосрочной тенденции к новым зафиксированным показателям отработанных часов и применяем эту корректировку для прогнозирования эволюции долгосрочной тенденции в наших сценариях. По мере развития кризиса, неявный показатель сокращения разрыва скорректирован в сторону уменьшения.

Базовый сценарий квартального роста ВВП взят из базы данных ОЭСР и базы данных Economist Intelligence Unit. Для стран, по которым нет доступных квартальных прогнозов, предполагаемая траектория роста ВВП в 2020 году выстраивается с учетом (а) оценочных потерь рабочего времени в первом и втором кварталах, (б) аналогичных графиков для стран, по которым данные имеются, и (с) годового прогноза экономического роста из базы данных МВФ «Перспективы развития мировой экономики» от апреля 2020 года.

В дополнение к базовому сценарию проработаны и представлены два альтернативных сценария. Пессимистичный сценарий опирается на проведенный для июньского экономического прогноза ОЭСР анализ, в котором рассматривается повторный всплеск COVID-19 в четвертом квартале 2020 года и последующая за ним вторая волна необходимых экономических ограничений. В модели данный сценарий закладывается так: потери рабочего времени в четвертом квартале относительно второго квартала принимаются пропорциональными прогнозируемому ОЭСР относительно снижению ВВП. Кроме того, среднее падение ВВП, прогнозируемое ОЭСР на четвертый квартал, также применяется к странам, не входящим в ОЭСР.

Для оптимистического сценария основополагающее предположение состоит в том, что работники быстро возвращаются к своей деятельности, несмотря на сохраняющийся разрыв в объемах производства. Такое восстановление рабочих мест приведет к росту спроса и будет способствовать дальнейшему улучшению ситуации в сфере занятости. В модели это отражается увеличением коэффициента $\beta_{(1)}$, который определяет, насколько сильно отработанные часы зависят от разрыва по сравнению с долговременной тенденцией, поскольку этот параметр оценивался на исторических данных в условиях, когда фактический дефицит спроса снижает спрос на рабочую силу. В частности, мы предполагаем, что этот параметр находится в верхних 5 % предполагаемого распределения вместо среднего значения распределения, которое используется в базовом сценарии.

Беспрецедентность нынешней ситуации означает, что прогнозам, представленным в этом выпуске Вестника МОТ, свойственна неопределенность, вызванная различными факторами. Сценарий второй волны пандемии иллюстрирует внешние неопределенности. Но кроме того, существует и внутренняя неопределенность модели, возникающая даже в том случае, если события будут развиваться так, как предполагалось для базового сценария, поскольку ситуация уникальна. Мы пытались отразить это, совершая множество прогонов модели с рандомизированными параметрами уравнения (1) с учетом предполагаемых распределений для каждой страны, а затем вычислили процентиля для различных результатов.